

Д.О. Чураков, А.В. ЛубковМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: противоречия, компромиссы, союз

В статье переосмысливается роль рабочего движения в 1918–1920 гг. В ней раскрываются причины, по которым рабочие поддержали большевиков в Гражданской войне, и почему взаимодействие партии и класса оставалось устойчивым, несмотря на периодические кризисы и антибольшевистские настроения в различных промышленных центрах. Поставленные проблемы рассмотрены сквозь призму новых подходов, в частности через анализ коллективных стратегий выживания больших социальных групп в кризисных условиях революции и Гражданской войны. В статье показано, что необходимость восстановления разрушенной Первой мировой войной и свержением самодержавия традиционной русской государственности заставляла рядовых участников событий искать опору в тех политических силах, которые могли дать защиту от хаоса и предотвратить возврат в прошлое. Активная рабочая политика последователей В.И. Ленина в целом отвечала задачам преодоления отчуждения рабочих от государственной власти, и даже наоборот – вовлекала их в политическое, экономическое, социальное и культурное переустройство. В результате рабочие опытным путем на протяжении периода Гражданской войны пришли к выводу, что для них наибольшую защиту может обеспечить именно Советское государство во главе с большевистской партией. Все другие коллективные стратегии не обеспечивали ни минимума автономных свобод для рабочих, ни гарантий выживания их семей. По логике, которая постепенно была признана большинством рабочих, выступать против Советской власти означало выступать против своего собственного государства. Поэтому даже наиболее радикальные проявления недовольства в отношении революционного режима отражали симпатии рабочих к советской легальности: от Ижевска до Кронштадта рабочие протесты происходили в условиях,

© Чураков Д.О., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

когда сами большевики своими ошибками подрывали устойчивость советской власти, подменяли его комиссародержавием.

Ключевые слова: Гражданская война, стратегии выживания, Советская власть, большевики, фабзавкомы, эгалитаризм, огосударствление, этатизм, конформизм, антибольшевистский рабочий протест, рабочее самоуправление, стимулирование труда

Для цитирования: Чураков Д.О., Лубков А.В. Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: Противоречия, компромиссы, союз // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 63–78. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-63-78

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-63-78

D.O. Churakov, A.V. Lubkov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The working class and its party during the Civil War in Russia: Contradictions, compromises, alliance

The article rethinks the role of the labor movement in 1918–1920. It reveals the reasons why the workers supported the Bolsheviks in the Civil War and why the interaction of the party and the class remained stable despite periodic crises and anti-Bolshevik sentiments in various industrial centers. The problems under consideration are viewed through the prism of new approaches, in particular through the analysis of collective strategies for the survival of large social groups in the crisis conditions of revolution and civil war. The article shows that the need to restore the traditional Russian statehood destroyed by the First World War and the overthrow of the autocracy forced ordinary participants of the events to seek support for those political forces that could provide protection from chaos and prevent a return to the past. The active labor policy of Lenin's followers generally met the objectives of overcoming the alienation of workers from state power, and even vice versa – involved them in political, economic, social and cultural

reconstruction. As a result, during the period of the Civil War the workers experimentally came to the conclusion that it was the Soviet state led by the Bolshevik Party that could provide the greatest protection for them. All other collective strategies provided neither a minimum of autonomous freedom for workers, nor guarantees for the survival of their families. According to the logic that was gradually recognized by the majority of workers, speaking out against the Soviet government meant speaking out against their own state. Therefore, even the most radical manifestations of discontent against the revolutionary regime reflected the sympathy of the workers for Soviet legality: from Izhevsk to Kronstadt, workers' protests took place in conditions when the Bolsheviks themselves undermined the stability of Soviet power by their mistakes, replacing it with commissarocracy.

Key words: civil war, survival strategies, Soviet power, Bolsheviks, factory committees, egalitarianism, statism, etatism, conformism, anti-Bolshevik workers' protest, workers' self-government, labor stimulation

FOR CITATION: Churakov D.O., Lubkov A.V. The working class and its party during the Civil War in Russia: Contradictions, compromises, alliance. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 63–78. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-63-78

Исторический путь рабочего класса в 1918–1920 гг. – вопрос, не устаревающий ни для исторической науки, ни для общества. Как и вопросы, связанные с причинами и предпосылками самых разнообразных революций, вопросами социальной базы правящих кругов и способами ее поддержания. Почему рабочие поддержали ленинских интернационалистов? Чем подпитывалось взаимодействие участников «тандема»? Почему связь партии и рабочих окраин оказалась такой устойчивой даже в самых кризисных эпизодах революции и Гражданской войны? Эти и многие другие вопросы должны оказываться в центре внимания каждого нового поколения историков для переосмысления. Так что современное явственное угасание исследовательской активности в области изучения рабочей истории, скорее всего, временное. Впрочем, к вовсе неизученным рабочую проблематику в период т.н. «красной смуты», конечно, отнести невозможно¹. За несколько десятилетий советские историки успели ввести в научный оборот и даже опубликовать огромное количество источников по рабочей истории периода Гражданской

¹ Термин «красная смута» ввел в научный оборот историк, автор монографии «Красная смута: Природа и последствия революционного насилия» В.П. Булдаков [1].

войны. Над темой работали такие видные историки, известные сегодня во всем мире, как П.В. Волобуев [2], Л.С. Гапоненко [4], Е.Г. Гимпельсон [5], В.З. Дробижев [7], Ю.И. Кирьянов [8], А.М. Панкратова [10], Г.А. Трукан [11] и др.

Свой вклад внесли и отечественные исследователи более поздних лет. Во второй половине 1990-х гг., когда в Российской Федерации шел рост протестных настроений, стараниями немногих энтузиастов даже произошло некоторое оживление рабочей истории. Выходили работы отечественных исследователей, которые часто развивали сотрудничество с зарубежными коллегами в рабочем вопросе. Но постепенно в первые годы XXI в. внимание к рабочей проблематике среди отечественных историков почти иссякло. Зато на Западе, на фоне Арабской весны, цветных переворотов, массовых выступлений в Азии, Латинской Америке и даже в странах Западной Европы и Северной Америки, интерес к истории рабочего движения устойчив [12]. Поскольку последние три десятилетия отечественная историография с некоторым опозданием, но повторяет зигзаги развития западной историографии, можно ожидать, что и в нашей стране произойдет оживление интереса к рабочей истории.

Применительно к рабочему вопросу в годы Гражданской войны советская историография, прежде всего, уделяла внимание таким проблемам, как политика советской власти в рабочем вопросе, поддержка рабочими большевиков и роль рабочих в укреплении и расширении социальной базы диктатуры пролетариата, их вклад в строительство революционного государства и Красной Армии, динамика численности и структуры рабочих, развитие рабочих организаций и т.д. В период кризиса советской историографии данная проблематика была отодвинута на второй план. Зато в центре внимания оказались вопросы, либо прежде не излучавшиеся вовсе, либо подвергшиеся наибольшему идеологическому искажению. Это повседневная жизнь рабочих в качестве представителей урбанистической среды, индивидуальные и коллективные стратегии кризисной социализации рабочих, в отдельные моменты переходящие в стратегии самосохранения и выживания в прямом смысле этих понятий, самоорганизация рабочих в условиях кризиса государственности, мотивация труда, мотивы политического поведения, протестный активизм рабочих на советских территориях. Вместе с тем, новейшие подходы к изучению рабочего вопроса неверно рассматривать в отрыве от историографии прежних лет: лишь в совокупности достижений советской, эмигрантской, зарубежной и современной российской историографии облик и роль рабочего класса России могут получить всестороннюю объективную оценку.

В период участия России в Первой мировой войне численность рабочих сильно возросла, изменился их совокупный социальный облик. Если в 1913 г. рабочих на предприятиях, подчиненных фабричной и горной инспекции, насчитывалось 3,1 млн чел., то в 1917 г. – уже 3,6 млн. Всего же численность рабочих в данный период может быть определена в 15 млн чел. За годы войны структура рабочего класса менялась: росла концентрация рабочих на крупных предприятиях с числом рабочих свыше 500 чел., в то время как количество сельскохозяйственных рабочих сократилось с 4,5 до 2 млн чел. Значительная часть кадровых рабочих была призвана в армию и во флот, на их место пришла молодежь преимущественно из деревни и частично – из средних городских слоев. Это повысило протестный потенциал рабочих, но снизило политическую грамотность.

В годы революции, интервенции и Гражданской войны облик, структура и вес рабочего класса в обществе продолжали меняться. Теперь его общая численность не росла, а сокращалась, что было связано с перебоями в снабжении продовольствием, мобилизациями в армии враждующих сторон, уходом в продотряды, бегством в деревню и др. Главной причиной являлось нараставшее разрушение промышленности и транспорта, что повлекло естественное сокращение рабочих мест. Данное обстоятельство позволяет предположить, что настоящий кризис российской экономики начался не при царском режиме, а при Временном правительстве и усугубился при советском, белых и прочих режимах в 1918–1919 гг.

Уже к осени 1918 г. численность рабочих в промышленности снизилась до 2,5 млн чел., а к концу Гражданской войны составила всего 41% от дореволюционных показателей, т.е. упала до 1,5 млн. Различные группы рабочих сокращались в разной пропорции. Если на ведущих оборонных предприятиях, таких как Ижевский и Тульский оружейные заводы, количество занятых даже возрастало, то другие крупные предприятия, например, Сормовский, Коломенский и Путиловский заводы, потеряли более половины от довоенного количества работающих на них. Резко сократилось количество текстильных и сельскохозяйственных рабочих, а количество железнодорожных возросло до 1,2 млн. Также несколько увеличилось число рабочих небольших и средних предприятий с числом занятых на них от 20 до 500 чел. Данные факты свидетельствуют не только о депопуляции городов и поселков городского типа, жителями которых являлись промышленные и некоторые другие категории рабочих, но и о вызванных Гражданской войной процессах деиндустриализации и кризисной дезурбанизации в целом,

т.е. о разрушении промышленной инфраструктуры и городской цивилизации как таковой.

Оказавшись в эпицентре социальной катастрофы, рабочие столкнулись с необходимостью выстраивать новые стратегии социализации. Наиболее распространенной стратегией была деятельность рабочих по развитию органов самоорганизации, которая массово разворачивалась сразу же после свержения самодержавия. Органы рабочей самоорганизации явились зримым воплощением процесса, охватившего все значимые группы населения страны, который может быть назван «революцией самоуправления». Существовало множество форм рабочей организации, часть из которых, подобно партиям и профсоюзам, были заимствованы из опыта западноевропейского рабочего движения, другие, такие, как советы и фабрично-заводские комитеты, стали результатом развития национальных демократических традиций. Все они, по возможности, развивались на принципах автономного внутриклассового строительства, что являлось результатом разрушения привычных социальных структур и начавшегося противоборства всех против всех. Часто изоляционистские тенденции нарушались из-за необходимости интегрироваться в более широкие социальные движения, однако те партии и политики, которые ратовали за внедрение межклассового партнерства, отторгались рабочими и заведомо оказывались в проигрышной позиции.

Наиболее устойчивые объединительные тенденции разворачивались между классовыми рабочими организациями, число которых быстро увеличивалось [3, с. 13]. К моменту прихода к власти большевиков сложились основы целостной системы органов рабочей самоорганизации, которая все активнее подстраховывала и заменяла собой разрушавшиеся государственные структуры Временного правительства. Рост организованности рабочего движения подкреплялся важными изменениями в экономике через развитие рабочего контроля. Формально собственность все еще принадлежала старым дельцам, но фактически, через фабзавкомы в сфере производства, профсоюзы в сфере распределения, рабочую кооперацию в сфере обмена, рабочее самоуправление все решительнее готовило почву для коллективных форм собственности. А это, в свою очередь, делало неизбежным изменение политической надстройки. Советы и были именно этой новой надстройкой.

Победа большевиков в октябре 1917 г. закрепила данную тенденцию и показала эффективность коллективных стратегий социализации, направленных на развитие органов рабочего представительства и самоорганизации. Рабочие через свои коллективные институты занимались

снабжением сырьем², решением продовольственной проблемы³, заработной платой⁴, культурно-просветительской работой⁵ и многими другими проблемами. Поэтому данная стратегия развивалась и в период Гражданской войны.

Однако развитие органов рабочей демократии в 1918–1920 гг. неожиданно столкнулось с серьезными трудностями. В условиях войны и мобилизационной экономики демократические механизмы показали свою малую эффективность. Другой преградой стало отношение к рабочей самоорганизации, самоуправлению и рабочему контролю со стороны политических элит, существовавших в годы войны режимов.

В силу малой эффективности рабочих организаций в чрезвычайных условиях, а также в силу доктринальных установок большая часть политиков была против полной самостоятельности рабочих. Подходы к стремлению рабочих самостоятельно решать свою судьбу были разнообразны и, чаще всего, противоречивы. Монархические и вообще правые силы видели в рабочих пособников большевизма и виновников гражданской смуты, поэтому везде, где это было в их власти, ограничивали права рабочих организаций. Либералы, меньшевики и эсеры, выступая за свободу союзов и кооперации в сфере защиты некоторых экономических прав рабочих, были категорическими противниками рабочего контроля над производством, последовательно отдавая приоритет контролю над экономикой бюрократическим государственным органам. Как и правые, они видели элемент анархии и хаоса в таких организациях, как, например, фабрично-заводские комитеты (ФЗК). Анархисты же, выступая за рабочую демократию, рабочий контроль, ФЗК, как правило, прохладно относились к «бюрократическим» и «буржуазным», по их мнению, профсоюзам, а также выступали против

² Государственный архив Тульской области. Ф. 1012 (Тульский губернский союз металлистов). Оп. 1. Д. 5. Л. 153–153 об., 154; Ф. 220 (Первые Тульские оружейные заводы. Приказы по заводам и протоколы заседаний центрального заводского и технического комитетов). Оп. 1. Д. 5. Л. 291, 391.

³ Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-730 (Иваново-Вознесенский губернский отдел Всесоюзного профессионального союза текстильщиков). Оп. 1. Д. 36. Л. 15, 16–18 об.; Д. 35. Л. 5 об.; Рабочий край. 1918. 20 марта.

⁴ Государственный архив Тульской области. Ф. 1012 (Тульский губернский союз металлистов). Оп. 1. Д. 39. Л. 131–133; Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-730 (Иваново-Вознесенский губернский отдел всесоюзного профессионального союза текстильщиков). Оп. 1. Д. 34. Л. 7–9 и др.

⁵ Государственный архив Тульской области. Ф. 444 (Судаковский цементный (позже чугуноплавильный) завод). Оп. 1. Д. 9. Л. 50; Ф. 207 (Тульский государственный сахарорафинадный завод). Оп. 1. Д. 3. Л. 79, 85; Оп. 7-1. Д. 4. Л. 17; Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7952 (Государственное издательство «История фабрик и заводов»). Оп. 3. Д. 215. Л. 9–11.

любых форм государства, в т.ч. рабочего, советского и т.д., по крайней мере, в теории, но случалось, что и на практике.

Наиболее полно данные настроения в доктринальной сфере и государственном строительстве могут быть изучены на материалах большевистского режима, поскольку большевики считали пролетариат своей социальной базой и патронировали решение рабочего вопроса на своих территориях. Вопреки устоявшимся представлениям, большевики вовсе не были едины в подходах к рабочему вопросу. Об этом свидетельствует количество и острота дискуссий по тем или иным его аспектам, начиная с дискуссии октября-ноября 1917 г. по рабочему контролю и заканчивая дискуссией конца 1920 – начала 1921 гг. по профсоюзам. «Рабочий контроль, – подчеркивал А. Лозовский, – был боевым лозунгом большевиков до октябрьских дней. Но, несмотря на то, что рабочий контроль фигурировал на всех знаменах и во всех резолюциях, он был покрыт какой-то мистической таинственностью»⁶.

В целом, первоначально большевики поддержали требования рабочего движения, что позволило им закрепиться у власти. Но вскоре интересы экономического и военного строительства заставили большевиков серьезно скорректировать свою политику по отношению к рабочим организациям. Учитывая, что многие рабочие организации и рабочие активисты и сами активно включились в строительство революционного государства, все больше партийных теоретиков и практиков рабочего движения приходили к идее необходимости огосударствления рабочих организаций. Они были солидарны с позицией И. Скворцова-Степанова, который настаивал на том, что «рабочий контроль снизу есть только подсобная часть регулирования промышленности в государственном масштабе»⁷.

Вопрос этот был предварительно решен на I Всероссийском съезде профессиональных союзов, который проходил вскоре после роспуска Учредительного собрания и расстрела рабочей демонстрации в Петрограде. Считается, что большевики поддерживали ФЗК как административные органы в противовес профсоюзам. В действительности, сторонников такого подхода среди членов РКП (б) было крайне мало, и они не обладали влиянием. Подавляющая часть большевиков к началу 1918 г. придерживалась прямо противоположных взглядов, что и было закреплено в решениях профсъезда. На нем ФЗК были подчинены профсоюзам в качестве нижних звеньев профаппарата, что было названо политикой союзования, а сами профсоюзы были подчинены

⁶ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 19.

⁷ Там же. С. 7.

государству, советам, государственным хозяйственным органам, что, в свою очередь являлось огосударствлением профсоюзов⁸. На I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, заседавшем в Москве с 26 мая по 4 июня 1918 г., произошел решающий бой между сторонниками усиления государства и апологетами рабочего самоуправления. Рабочее самоуправление на нем если и не упразднилось, то сохранялось лишь в пережиточных, можно сказать, символических формах. Приоритет всецело передавался хозяйственным органам революционного государства⁹. Так сложилась руководящая вертикаль, на которую большевики опирались в рабочем вопросе и контролировали деятельность прежде самостоятельных рабочих институтов.

Огосударствление рабочего представительства меняло суть прежних стратегий социализации, нацеленных на создание автономных, чисто классовых рабочих организаций. Ответом со стороны рабочих стало формирование трех новых, альтернативных прежней, стратегий. Первая из них была нацелена на встраивание в государственные системы как всего класса, так и его отдельных отрядов и даже отдельных представителей, получивших возможность сделать карьеру на государственном, хозяйственном, военном или профсоюзном поприще. Разумеется, наиболее широкие возможности в реализации данного выбора у рабочих были в Советской России. Что понятно: хотя антибольшевистские правительства часто – гласно или негласно – сохраняли некоторые завоевания Октябрьской революции в рабочем вопросе и некоторые нормы, введенные большевиками, но альтернативные Москве режимы ни идеологически, ни материально не могли гарантировать рабочим столь же широкие возможности.

Еще одной стратегией социализации – самой, пожалуй, массовой – становится конформизм. Явления конформизма в условиях Гражданской войны только начинают серьезно изучаться, но уже сейчас можно отметить, что для сохранения рабочих мест и стабильного снабжения продовольствием рабочие готовы были умерить свои притязания. Аналогичным образом на настроение рабочих влияла нараставшая социальная усталость, неспособность человека жить в условиях постоянного стресса и борьбы за все, вплоть до выживания. Конформизм мог проявляться в соблюдении законов, даже самых суровых, распорядка в сфере производства и трудовой дисциплины, участии в официальных мероприятиях антисоветских властей и т.д. В Советской России ярким

⁸ Первый Всероссийский съезд профсоюзов. 7–14 января 1918 г. Полный стенографический отчет с предисловием И. Томского. М., 1918. С. 204–207, 219–220 и др.

⁹ Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 25 мая – 4 июня 1918 г. Стенографический отчет. М., 1918. С. 256–257 и др.

проявлением конформизма становится быстрое распространение в рабочей среде нового «большевизированного» языка – явление, хорошо знакомое, но менее выраженное в тех регионах, где существовали альтернативные режимы. Но, конечно, самым важным проявлением конформизма примерно с конца 1918 г. становится затухание забастовочной и прочей протестной активности.

В то же время рабочий протест оставался важным компонентом Гражданской войны и в 1918–1920 гг., причем практически на всей территории распадавшейся империи – и на тех территориях, где возникли антисоветские режимы, и на тех, где устанавливалась советская власть. Участие в протестном движении являлось еще одной, третьей формой социализации. Поскольку после октября 1917 г. одним из новых факторов развития рабочего протестного активизма становится огосударствление и отрыв от рабочих масс прежних, традиционных, пролетарских организаций (говоря официальным языком той эпохи), таких, как Советы, профсоюзы, ФЗК и пр. – прежде всего в русле реализации данной альтернативной стратегии находится создание альтернативных рабочих организаций. Подразумевалось, что они будут строиться на принципах классовой автономии, независимости и от государства, и от политического класса (прежде всего, интеллигенции). Данные альтернативные организации могли стоять в целом на просоветских позициях (беспартийные районные рабочие конференции в Петрограде рубежа весны-лета 1918 г.). Однако чаще всего речь шла об оппозиционных большевикам и Советскому государству организациях рабочего представительства. Среди таковых, например, Чрезвычайное собрание уполномоченных от фабрик и заводов, имевшее очаги в Петрограде, Туле, Нижнем Новгороде и некоторых других пролетарских центрах. Высшим его выражением стал Всероссийский рабочий съезд в Москве. Но проработал он недолго. Через пару дней после начала съезда все его участники были задержаны чекистами¹⁰.

Часто деструктивные формы протеста принимали характер индивидуальных стратегий выживания и носили по преимуществу скрытый характер. Отчасти в русле этой формы стратегий можно рассматривать бегство рабочих из городов, мешочничество, криминализацию части рабочих, мелкие и более крупные нарушения трудовой дисциплины, распространение хищений на предприятиях¹¹ (появление т.н. «несунов»), распространение практики захвата рабочими предприятий,

¹⁰ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 1 (Отдел ВЧК по борьбе с контрреволюцией). Оп. 2. Д. 127. Л. 204–218.

¹¹ Правда. 30 октября 1918; Государственный архив Тульской области. Ф. 1012 (Тульский губернский союз металлистов). Оп. 1. Д. 30. Л. 16; Д. 23. Л. 43, 73, 81 и др.

распродажи ими заводского имущества и готовой продукции с целью перераспределения вырученных средств. Все это, конечно, не может быть причислено к активному сопротивлению тем или иным режимам периода Гражданской войны, но, с определенной точки зрения, подобные действия рабочих вполне допустимо связывать со стихийными проявлениями их скрытого протеста против бедственного материального положения даже на советских территориях [6, с. 143; 9, с. 131].

Самым важным элементом в повестке рабочего вопроса и в стратегиях кризисной социализации являлась трудовая деятельность рабочих и ее обеспечение вовлеченными в гражданское противостояние сторонами. Вопреки тому, что советская историография резко противопоставляла курс советской власти в рабочем вопросе и вообще в сфере промышленного регулирования мероприятиям альтернативных социалистических, белых и националистических правительств на окраинах страны, помимо явных различий, можно также увидеть много общего в том, как подходили к рабочей и промышленной политике противоборствующие стороны в годы Гражданской войны. Это определялось общими тенденциями, возникшими еще при царской власти и лишь усугубившимися после ее свержения. Сами процессы, о которых идет речь, были обусловлены предшествующим развитием России, в т.ч. ее участием в Первой мировой войне.

Важнейшими из них, задававшими направление коридора, внутри которого проводилась политика участвовавших в Гражданской войне сторон, были милитаризация труда (влиявшая на ужесточение трудовой дисциплины) и эгалитаризация системы оплаты труда. Начавшаяся минимум в 1915 г. политика милитаризации раньше и жестче всего затронула транспортных рабочих, но в дальнейшем распространилась на рабочих оборонных предприятий, что в условиях Первой мировой и Гражданской войн было вполне объяснимо и копировало меры укрепления государственно-монополистического капитализма в Германии и других воюющих странах. Однако только в большевистской партии нашлись деятели, которые подвели идейную базу под милитаризацию труда и увидели в ней метод построения коммунизма. Л.Д. Троцкий выступал за создание целых трудовых армий, а милитаризация должна была коснуться не только железнодорожных и промышленных, но даже сельскохозяйственных и строительных рабочих. Однако в условиях окончания Гражданской войны его «теоретические прозрения» быстро забылись. Эгалитаризм также получил теоретическое благословение наиболее радикальных большевиков. Но т.н. уравниловка в оплате труда не была визиткой только советской политики. Уравнилительные тенденции, рожденные скудностью ресурсов, были не менее, а то и более

характерны для антибольшевистских режимов. Даже повстанческие власти Ижевска, рожденные на волне самого крупного за всю Гражданскую войну антибольшевистского рабочего восстания, не стеснялись проводить уравнительную политику в области оплаты труда.

На советских же территориях, наоборот, сравнительно более мощная экономика и ресурсная база позволяли проводить, по крайней мере, на первых этапах Гражданской войны, более гибкую политику в сфере стимулирования труда, в т.ч. в сфере его оплаты. Основные принципы большевистской политики в области трудовых отношений и стимулирования труда были заложены в советском трудовом законодательстве. Несмотря на то, что, в отличие от Декретов о Земле и Мире, закон о рабочем контроле на Втором Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов принят не был, его принятие состоялось уже 14 ноября 1917 г. По декрету рабочий контроль объединялся с государственным, но на тех предприятиях, где было большое количество рабочих и крепкие рабочие организации, трудовые коллективы получали реальную возможность влиять на управление как производством, так и распределением. К важнейшим нормам, закрепленным советским законодательством, следует отнести введение 8-часового рабочего дня, расширение мер по социальному страхованию, пенсионному обеспечению, охране труда и др. Впервые в мировой практике специальным постановлением Совета народных комиссаров (СНК) вводится право на двухнедельный оплачиваемый отпуск. Основные принципы трудового права были закреплены советской Конституцией 1918 г. Вопреки устоявшемуся заблуждению, в ней Россия государством диктатуры пролетариата не провозглашалась. В основу конституции лег принцип, более близкий эсеровскому положению диктатуры трудящегося народа, а диктатура пролетариата объявлялась целью будущего развития. Тем не менее, Конституция РСФСР имела ярко выраженный социальный характер.

Если у антибольшевистских правительств среди форм стимулирования труда преобладали репрессивные (штрафы, взыскания, увольнения и др.), то советские власти, помимо использования названных выше форм мотивации, делали главную ставку на поощрение честного и продуктивного труда. Привилегии рабочих были направлены на сохранение промышленного пролетариата как класса в условиях его сокращения и распыления. Соответственно, наибольшее внимание уделялось квалифицированным рабочим, занятым в тяжелой промышленности (в особенности, на оборонных предприятиях) и железнодорожникам. При остановке работы предприятий сокращению в первую очередь подлежали рабочие, недавно пришедшие в город и имеющие собственность в деревне. В свою очередь, наиболее квалифицированных рабочих закрывавшихся предприятий стремились трудоустроить на действующие. Предпринятые меры

позволили резко замедлить сокращение числа рабочих-металлистов, а количество железнодорожных рабочих даже возросло.

В рамках государственной поддержки рабочие обеспечивались жильем за счет жилых площадей, изъятых у прежних владельцев – т.н. эксплуататорских классов. Рабочие дополнительно снабжались топливом, одеждой, средствами личной гигиены. Существовала система классовых пайков, при которой рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, получали в 4 раза больше продовольствия, чем представители групп населения, отнесенных к «свергнутым классам». Пока наличие ресурсов позволяло, большевистские власти стремились сохранить систему, поощрявшую качественный труд. По введенной в 1919 г. по предложению Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) тарифной сетке, разница в оплате между работниками низшего и высшего разрядов была существенной: у первой категории оплата была почти вдвое ниже. Однако по мере разрастания интервенции, Гражданской войны и упадка экономики уравнивательные тенденции начинают все более явственно проявляться и на территориях, на которые распространялась власть Кремля. Обесценивание рубля приводит к тому, что важнейшее место в оплате труда приобретают натуральные выплаты, которые были фактически одинаковыми у всех категорий рабочих. Падает связь между оплатой и результатами труда. К концу Гражданской войны в среднем 94% дохода семей рабочих не имело связи с трудовой деятельностью. Среди уравнивательных мероприятий военного коммунизма большую известность получили такие, как отмена оплаты транспорта и жилья, но и на этом этапе предпринимались попытки укрепить связь между качеством и количеством труда, с одной стороны, и размером его оплаты – с другой. С этой целью, в частности, применялись такие формы, как сдельная оплата (сдельщина), премирование и др.

Более привлекательными оказались меры советской власти и в сфере политической пропаганды. В отличие от далеких от нужд рабочих призывов белых и социалистических правительств к верности союзникам, сохранению «единой и неделимой», демократическим принципам Февраля, Учредительному собранию и т.п., пропаганда большевиков строилась на вполне конкретных, пусть и не каждый раз существенных достижениях, в т.ч. в области трудового законодательства, решения продовольственного вопроса, обеспечения жильем, роста политических прав рабочих. Беспроигрышной оказалась одна из главных тем большевистской пропаганды, в которой именно рабочие провозглашались классом-гегемоном, классом-победителем в революции, новым правящим и привилегированным классом.

По логике, которая была воспринята большинством рабочих, выступать против советской власти означало выступать против своего

собственного государства. Неслучайно поэтому самое крупное рабочее антибольшевистское восстание в Ижевске в 1918 г. началось в защиту прав местного Совета рабочих депутатов, против ущемлявших его права местных большевиков и эсеров-максималистов, шло под лозунгом «власть Советов, а не партии»¹². Но в дальнейшем, когда рабочие разных регионов страны смогли воочию увидеть реальности политики антибольшевистских правительств в рабочем вопросе, в прошлое уходят и выступления против большевистской партии. Политические лозунги в 1919–1921 гг. если и выдвигаются на волне рабочего протеста, то гораздо реже экономических и всегда – как часть общих требований, главной частью которых являлись бытовые интересы рабочих. Как только большевистские власти начинали удовлетворять (как правило, частично) экономические претензии рабочих, политические лозунги сразу же забывались. Самым ярким примером произошедших перемен стали Кронштадтские события. Несмотря на то, что они совпали с массовыми протестами рабочих в Петрограде (и нескольких других городах), несмотря на то, что они развивались под лозунгом, известным еще по Ижевскому восстанию – «Власть Советам, а не партиям», петроградские рабочие не только не поддержали матросов, но и осудили мятеж.

Однако, пожалуй, самым наглядным показателем позиции рабочих к концу Гражданской войны становится неожиданное зарождение и еще более неожиданное стремительное распространение различных инициатив по формированию коммунистического отношения к труду, в т.ч. традиция массовых субботников, которая, естественно, была тут же подхвачена большевистскими властями, но у истоков которой стояла самостоятельная низовая инициатива. Ни один антибольшевистский режим за все время Гражданской войны не смог получить столь же очевидную поддержку со стороны рабочего класса, находившегося на краю выживания, а поэтому быстро социально взрослевшего в условиях Гражданской войны.

В чем же причина феномена поддержки рабочими Советской власти? Даже конкретнее – большевистского режима? Ответов на этот вопрос существует множество. Можно сослаться на предпринятые советскими службами репрессии против недовольных и их вожаков. Можно выделить гипнотизирующее воздействие на рабочих напористой большевистской пропаганды. Называются и другие, не столь очевидные, но не менее громкие факторы. К примеру, свою роль сыграла тенденция социальной самоизоляции, под которой следует понимать растущее взаимное недоверие и отчужденность между различными общественными группами, стремление к социальной автономии. Она выразилась

¹² Филиал ГКУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» – Государственный архив общественно-политической истории. Ф. 350 (Партийный архив Удмуртского обкома КПСС). Оп. 49. Д. 6. Л. 2.

в недоверии и неприязни, которые петроградские рабочие испытывали по отношению к «свергнутым классам», «старому режиму», «правым социалистам» и т.д. Небольшевистские круги представлялись рабочим некими носителями разрушительного и тиранического начала, не вызывая сочувствия. Были и другие причины, о которых некоторые историки, до сих пор видящие в рабочих передовой, наиболее сознательный класс, не готовы говорить открыто: в самых критических ситуациях советские власти всегда выделяли фабрикам и заводам не только дополнительное количество хлеба, но и такие экзотические товары, как мясо, сахар, шоколад, а также обувь, одежду, дрова... В результате рабочие были больше заинтересованы в том, чтобы не потерять свалившееся на них «богатство», а не свергать т.н. «комиссародержавие». Повлияли, видимо, и многие другие обстоятельства, подчас недоступные современному историческому анализу из-за скупости и противоречивости содержащейся в источниках информации. Однако одной из главнейших причин, помимо поддержки общей политики революционных властей, стала, как представляется, общая усталость от войны и страстное желание мира. Именно мир сулил объявленный большевиками переход к нэпу, и рабочие пошли за теми, кто предлагал стране спокойствие и стабильность, а не зазывал на новую бойню.

Библиографический список / References

1. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. [Buldaikov V.P. Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The Red Distemper: The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, 1970.]
2. Волобуев В.П. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964. [Volobuyev V.P. Proletariat i burzhuziya v Rossii v 1917 [The proletariat and the bourgeoisie in Russia in 1917]. Moscow, 1964.]
3. Гарви П.А. Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921). New York, 1989. [Garvi P.A. Profsoiuzy i kooperatsiia posle revoliutsii (1917–1921) [Trade unions and cooperation after the Revolution (1917–1921)]. New York, 1989.]
4. Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. [Gaponenko L.S. Rabochiy klass Rossii v 1917 godu [The working class of Russia in 1917]. Moscow, 1970.]
5. Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. [Gimpelson Ye.G. Rabochiy klass v upravlenii Sovetskim personalom (noyabr 1917–1920 gg.) [The working class in the governing of the Soviet State (November 1917–1920)]. Moscow, 1982.]
6. Гухман Б.А. Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. М., 1925. [Gukhman B.A. Proizvoditelnost truda i zarabotnaia plata v promyshlennosti SSSR [Labor productivity and wages in the industry of the USSR]. Moscow, 1925.]

7. Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). М., 1966. [Drobizhev V.Z. Glavnoy shtab sotsialisticheskoy promyshlennosti (Ocherki istorii VSNKH. 1917–1932 gg.) [The Main Headquarters of Socialist Industry (Essays on the History of the Supreme Board of the National Econom (VSNH). 1917–1932.)]. Moscow, 1966.]
8. Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005. [Kiryanov Yu.I. Sotsialno-politicheskiy protest rabochey Rossii v gody pervoy mirovoy voyny (iyul 1914 – fevral 1917 gg.) [Socio-political protest of the workers of Russia during the First World War (July 1914 – February 1917)]. Moscow, 2005.]
9. Киселёв А.Ф. Профсоюзы и советское государство (дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991. [Kiselev A.F. Profsoiuzy i sovetskoe gosudarstvo (diskussii 1917–1920 gg.) [Trade Unions and the Soviet State (discussions of 1917–1920)]. Moscow, 1991.]
10. Панкратова А.М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. [Pankratova A.M. Fabzavkomy Rossii v borbe za sotsialisticheskuyu fabriku [The factory committees of Russia in the struggle for the socialist factory]. Moscow, 1923.]
11. Трукан Г.А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975. [Trukan G.A. Rabochiy klass v borbe za pobedu i uprochneniye Sovetskoy vlasti [The working class in the struggle for victory and consolidation of Soviet power]. Moscow, 1975.]
12. Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22, Book 3: National Disintegration. Ch. Read, P. Waldron, A. Lindenmeyr (eds.). Bloomington, IN, 2018.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was received on 19.09.2022, accepted for publication 17.10.2022

Об авторах / About the authors

Чураков Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Dimitri O. Churakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Contemporary Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: histor@inbox.ru

Лубков Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, академик РАО; ректор, Московский педагогический государственный университет

Alexey V. Lubkov – Dr. Hab in History, Academician of the Russian Academy of Education; Rector, Moscow Pedagogical State University

E-mail: av.lubkov@mpgu.su